

Социологическая информация: репрезентативность, достоверность, надежность

© 1993 г.

М.Н. РУТКЕВИЧ

СОЦИОЛОГИЯ, ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

---

*РУТКЕВИЧ Михаил Николаевич — член-корреспондент Российской Академии наук.
Постоянный автор нашего журнала.*

Сегодня наблюдается весьма тревожная тенденция — падение престижа социологической науки, и это после освобождения от догматических шор и осязаемого ее подъема во второй половине 80-х годов. На наш взгляд, виной тому две причины.

Во-первых, произошла явная аберрация общественного сознания: социологию как науку стали отождествлять с эмпирическими исследованиями, а последние — с занявшими центральное место опросами общественного мнения. В условиях углубляющегося социально-экономического и национально-государственного кризиса большинство газет обзавелось постоянными рубриками «Глазами социолога», «В зеркале социологии» и т.п. Использование социологических данных стало своеобразной «козырной картой» в политических передачах на радио и, особенно, телевидении. Демонстрация столбиков разного цвета и диаграмм призвана усилить воздействие на массовую аудиторию. Известно, что информация о наблюдаемых в обществе воззрениях, настроениях, оценках, предпочтениях, ожиданиях — мощное средство воздействия на эти слагаемые массового сознания, способ формировать его в определенном направлении.

Во-вторых, проводимые в средствах массовой информации агитация и пропаганда за ускоренную капитализацию России методом «шоковой терапии» (скорее, хирургии), приватизацию, ваучеризацию и т.д. входят в противоречие с жизненным опытом подавляющего большинства населения, падением уровня и качества жизни. Только за 1992 («гайдаровский») год жизненный уровень снизился более, чем в два раза, составив 44% (за 100% принят уровень реальных доходов населения в 1991 г.) [1]. Однако пресса, контролируемая правыми радикалами (именующими себя демократами), и монополизированные правительственными структурами центральное радио и телевидение продолжают восхвалять курс перехода к рынку и раздражают народ обещаниями скорой стабилизации экономики, которые систематически не сбываются. Неудивительно, что престиж основных средств информации падает, а вместе с ним и привлекаемой в качестве информационного источника социологии.

Сложившиеся в цепочке «власть—СМИ—общественное мнение—социология» отношения постоянно обсуждаются как в научной периодике, так и в массовой печати. Редакционная статья «Социса» в значительной мере была посвящена именно этому вопросу [2]. Тем не менее, целесообразно внести в это обсуждение новые моменты, обратившись к истории советской социологии, некоторым теоретическим проблемам и фактам последнего времени.

Социология не сводится к эмпирическим исследованиям. Доказывать данный тезис в наши дни вряд ли необходимо. Социологи, принадлежащие к самым различным направлениям, в том числе следующие марксистской традиции, в этом не сомневаются, хотя и расходятся в частности. Точка зрения автора статьи по вопросу о соотношении теории и эмпирии, о структуре социологического знания неоднократно излагалась, в том числе в ходе недавней дискуссии о предмете социологии [3]. Вопрос в другом: почему в советской социологии с конца 50-х — начала 60-х годов, когда она после длительного запрета бурно развивалась, господствовало представление, что это наука целиком или по преимуществу эмпирическая, «конкретная», «прикладная»? Эта неплодотворная традиция сегодня вновь дает о себе знать, притом в худшем варианте — сведении социологии только к одной, пусть очень важной области эмпирического исследования.

Дело в том, что после XX съезда КПСС, когда в СССР возродилась социология, ее развитие шло в строго очерченных и лишь постепенно раздвигаемых под давлением снизу рамках. Ей было предписано существовать в качестве «конкретной», т.е. эмпирической науки, и следовать предписаниям партийных органов. Так продолжалось до середины 80-х годов. Но и в заданных рамках было сделано немало, например, в изучении общественного мнения, несомненная заслуга здесь принадлежит Б.А. Грушину.

По мере того, как хрущевская «оттепель» сменялась брежневскими «заморозками», именно эта область исследований подверглась наибольшему притеснению. Могу привести пример из собственного опыта. Будучи с 1972 г. директором головного академического института, я постоянно сталкивался с противодействием вице-президента Академии П.Н. Федосеева, ведавшего всем комплексом общественных наук, и заведующего Отделом науки ЦК КПСС СП. Трапезникова. Любые попытки расширить поле дозволенных исследований и включить в план работы Института проблемы теоретической социологии наталкивались на глухую стену. Академик Федосеев был твердо убежден, что теоретическая социология начинается и заканчивается историческим материализмом, проблемы которого разрабатываются в соответствующем отделе Института философии на Волхонке, а в расположенном в Новых Черемушках Институте социологических исследований должно ограничиваться конкретикой, эмпирией. Это мнение вице-президент сохранил до конца своего пребывания на посту. Так, в 1982 г. в журнале «Социологические исследования» была помещена его очередная «установочная» статья, где, в частности, указывалось: «социология (как в своей области экономика народного хозяйства) должна изучать конкретные ситуации, структуры, процессы в разных "плоскостях", измерениях, масштабах» [4]. В противоположность этому, политическая экономия и исторический материализм являются науками теоретическими, они должны обобщать эмпирические сведения, изучать законы общественного развития [Там же]. Такого рода установки тиражировались в учебниках, словарях, практике преподавания и оседали во многих головах.

СП. Трапезников пресекал любые попытки «выйти за рамки». Так, в мае 1976 г. я был публично обвинен им в слепом следовании «американским образцам», «буржуазной социологии». Основание было более чем серьезное: одно из подразделений Института разослало в 72 республиканских, краевых, областных центра Российской Федерации анкету эксперта (по 1 экз.) для руководящих работников исполкомов. В числе других там содержался «недопустимый» вопрос «Как влияют недостатки в продовольственном снабжении в области (крае, республике) на миграцию трудовых ресурсов?» Письменный запрос о «таких» (!) вещах высших чинов номенклатуры, не говоря уже о рядовых гражданах, был сочтен верхом вольности. Изучение общественного мнения фактически оказалось под запретом; власть не хотела знать правды о

настроениях народа и, прежде всего, правды о себе. Конфликт закончился тем, что я положил на стол вице-президента заявление об отставке.

Представление о социологии как науке прикладной, эмпирической поддерживалось не только «верхами». Оно подпитывалось и реальным спросом на профессиональных социологов в результате бурного увлечения социальным планированием. «Косыгинская» хозяйственная реформа (1965 г.) несколько расширила самостоятельность промышленных предприятий и связанных с ними проектных, конструкторских, научно-исследовательских организаций. Появилась возможность расходовать часть прибыли на нужды трудового коллектива, на развитие социальной инфраструктуры как самого предприятия, как и выросшего вокруг него рабочего поселка или города. (Напомним, что значительная часть жилого фонда, коммунальных сооружений, учреждений культуры в индустриальных регионах до сих пор находится на балансе предприятий). Составляемые на год и пять лет планы социального развития рассматривались как «самодетельное» дополнение к государственным и на их основе мобилизовались дополнительные ресурсы на достижение значимых для коллектива и общества целей. Кампания по составлению и выполнению планов социального развития потребовала привлечения ученых и, прежде всего, социологов. Должности социологов впервые были введены в штатное расписание предприятий, объединений, министерств, территориальных органов управления. И это позволило усилить воздействие общественности на косное руководство Минвуза СССР, которое весьма неохотно разрешило в середине 70-х годов организацию первых социологических отделений на экономических и философских факультетах нескольких университетов. Впоследствии открылись социологические факультеты, и мы начали постепенно догонять другие страны в сфере подготовки профессионалов данного профиля.

Однако позитивные процессы, как правило, содержат в себе и теневую сторону. Так, социальное планирование требовало эмпирических исследований по социологии труда, досуга, семьи и т.д., поэтому программы вузовской подготовки социологов были ориентированы на прикладные задачи, что соответствовало общим установкам в отношении социологии как эмпирической науки и способствовало укреплению этой позиции в научной среде. В последние годы эта тенденция оживилась в связи с увлечением опросами общественного мнения.

Общественное мнение как объект социологического исследования. По мере того как формировалось и упрочивалось представление о структуре социологии как многоуровневой системы, в которой путь от общей теории к конкретным исследованиям лежит через теории среднего уровня, множились «заявки» на утверждение в качестве самостоятельных областей социологического знания особых «социологии», имеющих свой предмет, а подчас и объект исследования. Многие теории среднего уровня, имеющие традиции в мировой социологии, постепенно сформировались и у нас. Однако в ряде случаев претензии подобного рода оказались несостоятельными.

Так, Б.А. Грушин пытался теоретически обосновать статус указанного направления в социологии как особой области науки, которая якобы имеет специфический *объект исследования*. В словаре, увидевшем свет в конце 80-х годов, составленном вместе с французами («Опыт словаря нового (!) мышления»), он определяет общественное мнение как «особое состояние массового сознания» [5]. Однако что понимать под «массовым сознанием»? Сознание народных масс, делящихся, по разным критериям, на классы, группы, слои; на молодых, зрелых, пожилых, старых; на жителей разных типов поселений, горожан и селян и т.д., а в наших условиях на представителей различных этносов и конфессий, или *что-то иное*? Для профессора Грушина это действительно иное. Вслед за Г. Тардом, он понимает под массовым сознанием *сознание толпы*, которая в состоянии эмоционального возбуждения может на

время забыть социальные перегородки, «перемахнуть» через них. В статье, посвященной теории вопроса, он указывает на «откровенно внегрупповую (или межгрупповую) природу данного множества, проявляющуюся в том, что оно "разрушает" границы между всеми существующими в обществе социальными группами...» [6]. К массовому сознанию якобы «неприменимы категории традиционного группового подхода...» [Там же].

Действительно, феномен «толпы» требует специальных исследований. Но и при выяснении социально-психологических особенностей «толпы» не следует забывать, по какому поводу и в каком составе она собралась (нередко относительная однородность обеспечивается уже тем, кто созывает митинг и кто откликается на этот призыв, каков характер зрелища и т.д.). Не менее важно выяснить, как влияют на ее настроения общая обстановка в стране, регионе, городе, селе и ситуационные факторы более или менее случайного порядка. Наконец, кто в данной «толпе» поддается эмоциям, нагнетаемым «инициативными группами» (нередко хорошо оплачиваемыми), а кто сохраняет выдержку или испытывает чувство протеста.

Так, в начале нынешнего года во время хоккейного матча в Киеве, когда местный «Сокол» стал проигрывать московской команде, часть зрителей скандировала: «Смерть москалям!». Анализировать причины подобных явлений необходимо, но это ни в коей мере не может заменить изучения мнения народных масс в Киеве или в любом другом городе России или Украины. При этом следует возможно более тщательно составлять выборку, которая учитывала бы социальный (этнический и т.д.) состав той «генеральной совокупности», которая в каждом данном случае и есть непосредственный объект исследования. Кстати, это общепризнанное условие соблюдается и службой «Vox populi», которой Б.А. Грушин руководит в настоящее время.

Мы полагаем, что общественное мнение есть не «особое состояние общественного сознания», а определенное его *проявление*, «срез». Оно имеет место на всем протяжении истории общества, меняя свои формы и способы функционирования. Одно дело общественное мнение членов племени, где оно играет колоссальную роль, выполняет нормативную функцию, заменяя право, и совсем другое — общественное мнение многомиллионного народа, в подавляющем большинстве читающего ежедневные газеты, находящегося под непрерывным воздействием теле- и радиовещания. Коммуникативная связь, позволяющая суммировать стихийно формирующееся (в сфере эмоций, а затем и в понятийном мышлении под влиянием условий бытия) мнение индивидов и малых групп, сводить их оценочные суждения в систему групповых мнений, в совокупности дающую картину общественного мнения (вплоть до национального масштаба) требует в различных исторических условиях специального изучения. При этом особо выделяется проблема воздействия самого процесса исследования, характера задаваемых вопросов, прямого контакта социологов с респондентами на получаемый результат. Иначе говоря, «возмущающее действие» наблюдателя на объект.

Без контакта ученых и вспомогательного персонала с респондентами не обходится никакое эмпирическое социологическое исследование, и уже поэтому изучение общественного мнения в любых масштабах оказывается его *необходимым компонентом*. Однако для того, чтобы этот момент в политической или экономической социологии, в социологии труда, семьи, образования и т.д. приближал нас к истине, а не отдалял от нее, необходимо стремиться к возможно более точному и тщательному соблюдению *социологического подхода* к изучению явлений общественной жизни. Последний обусловлен спецификой предмета и метода социологической науки. В отличие от экономической науки, делающей упор на познание *объективной* стороны общественной жизни (не забывающей, естественно, о мотивации поведения людей в сфере хозяйства), и

социальной психологии, делающей упор на познание обладающей существенной самостоятельностью *субъективной* стороны (не забывающей о **влиянии** социальной среды на психические процессы), социология в своих исходных установках *требует соотнесения субъективного с объективным*, ибо в этом *суть* социологического подхода.

В распространенном определении предмета социологии как науки об отношениях социальных общностей (групп) подчас упускается из виду, что социальная общность (группа) разного типа должна рассматриваться не только как *субъект* сознания и действия, более или менее полно и верно осознающая свои интересы, но и как общность (группа) людей, занимающих *объективно* сходное положение в системе общественных отношений. Указанная объективность складывается в основном стихийно, как результат взаимодействия групп, столкновения и согласования их интересов.

При изучении общественного мнения объективная сторона может и должна учитываться разными путями: соответствием выборки установленному статистической составу населения; подбором вопросов, при которых респонденту не навязывается запрограммированный социологом ответ; сопоставлением самооценок материального положения граждан и их ожиданий в этой области с динамикой реальных доходов населения; сопоставлением оценок популярности политических партий и рейтинга их лидеров с программными заявлениями, конкретными обещаниями, их выполнением и т.д. Нередко показатель «удовлетворенность жизнью» фигурирует в работах социологов без сопоставления с объективными изменениями в уровне и качестве жизни. Но в условиях стабильности большинство населения может выражать удовлетворение привычными условиями существования, в то время как при начавшихся изменениях к лучшему рост ожиданий может существенно опережать реальные улучшения и те же условия будут оцениваться как не удовлетворяющие респондентов.

И здесь мы подошли ко второму важному условию, без соблюдения которого нельзя добиться объективности результатов, получаемых в ходе изучения общественного мнения. Если социология — наука о делении общества на группы и взаимоотношениях между ними, то изучение общественного мнения чего-либо стоит, когда оно детально учитывает *социальную структуру* общества, взятую к тому же в динамике. Речь идет о социальной структуре в широком смысле, как состоящей из различных «сечений»: социально-классовой, социально-демографической, профессиональной, поселенческой, этнической и т.д. И это относится не только к стране, но и к региону, городу, трудовому коллективу, молодежи, сообществу заключенных и т.д. Объективное положение групп и слоев, их интересы различны, поэтому различаются мнения и оценки, хотя последние могут и не находиться в прямой связи, так как опосредуются многими факторами.

Требования эти общеизвестны, они вошли (в той или иной интерпретации) во все учебные пособия по социологии. Но их выполнению многое мешает. И дело не только в недостатке социологов и уровне их профессиональной подготовки. обстоятельный анализ причин, из-за которых доверять результатам опросов общественного мнения в СССР и возникших на его территории государствах можно в весьма ограниченной степени, дает Б.А. Грушин [7]. К сожалению, вопросов о «гражданской позиции социолога» и «достижении коммерческого успеха» автор касается вскользь, объясняя это «отсутствием времени» [Там же].

Если изучение общественного мнения, как проявления общественного сознания в разных исторических условиях, есть составная часть, существенный момент *всякого* социологического эмпирического исследования, то его нельзя считать особой наукой со своим особым объектом познания. Одно замечание «практического» порядка здесь не покажется излишним.

Теоретические споры о предмете социологии и ее структуре оказывают влияние на осязаемую авторитетом государственных органов и положенную ВАКом в основу своей деятельности классификацию научных дисциплин, по которым можно защищать кандидатские и докторские диссертации. Аттестация научных кадров, несмотря на все бюрократические моменты, необходима как способ признания заслуг данного лица научным сообществом. После долгих лет отсутствия социологии в перечне научных специальностей ВАК допустил в их круг «прикладную социологию», но с правом защиты на экономическую либо на философскую степень. Только во второй половине 80-х годов социологические степени были узаконены, получив общий номер (22). Одной из отраслей науки (№ 22.00.07) стало «Общественное мнение». Мудрецы из ВАК не заметили, вопервых, что нарушают общий принцип классификации наук, указав в качестве научной специальности... объект изучения. (Это то же, как если бы в ряду физических наук оказалась не физика атмосферы, а сама атмосфера!); во-вторых, что изучение общественного мнения — такой же обязательный момент в эмпирической социологии, как использование приборов в физике или реактивов в химии. По представлению Экспертного совета по философии и социологии, это недоразумение в 1991 г. было исправлено, и специальность 22.00.07. исчезла в списках российского ВАКа. Но поле для дальнейшего исправления ошибок сохранилось, так как по-прежнему вместо названий наук в некоторых случаях продолжают фигурировать объекты их изучения.

Куда ведет коммерциализация социологии? Коммерциализация жизни страны в условиях перехода к «дикому» рынку (это базар, а не рынок, по выражению премьера В.С. Черномырдина), резкого падения производства и жизненного уровня подавляющего большинства населения не могла не сказаться пагубным образом на состоянии науки. В России была сосредоточена основная часть мощного научного потенциала СССР, и именно в России особенно ощущается его прогрессирующее разрушение. Фундаментальная наука, а также прикладная в сфере высоких технологий не могут существовать и ни в одной стране не существуют без поддержки государства, аккумулирующего в своей научно-технической политике долгосрочные потребности общества. В условиях кризиса (в отличие от военного времени, когда объективные трудности были несравненно большими) ассигнования на поддержку, не говоря уже о развитии науки и научного обслуживания, сократились настолько, что многие НИИ оказались закрыты, остальные дышат на ладан. В Российской Академии наук выделенных средств хватает только на зарплату и коммунальные платежи. Какова же эта зарплата?

Реальный уровень доходов лиц, получающих зарплату, снизился в 1992 г. более чем вдвое: цены выросли в среднем в 26 раз, а оплата труда в 11,4 раза [8]. В сфере науки уровень оплаты труда в 1991 г. отставал от среднего по РФ на 7%, а в середине 1992 г. — уже на 30% [9]. Из-за отсутствия индексации доходов в условиях инфляции работники, занятые в бюджетных организациях, оказались в наихудшем положении. Предполагалось, что введение с 1 января 1993 г. Единой тарифной системы (ЕТС) для бюджетных отраслей несколько поправит положение. А что получилось? Младшему научному сотруднику РАН в зависимости от опыта и стажа присваивается разряд от 8-го до 11-го по сетке ЕТС, что означает право получать зарплату от 3,12 до 3,99 минимального оклада [10, 11]. С 1 января 1993 г. «база» была определена в 1,8 тыс. руб. Следовательно, зарплата мне составляла от 5 616 до 7 182 руб., в то время как стоимость набора из 19-и основных продуктов питания на одного человека в Москве превысила 8 тыс. [12]. С 1 февраля «база» поднялась до 2 250 руб., что означает повышение ставок на 25%. Однако цены на продукты растут ежемесячно на 30% и более, а эти категории трудящихся тратят на них до 80% дохода. Разрыв между зарплатой бюджетников и ценами обречен на хроническое

возрастание. Если младший научный сотрудник живет один и обеспечен жильем, он может кое-как прокормиться, но содержать семью на такие деньги нельзя. Положение старшего научного сотрудника не намного лучше.

Работники науки из сравнительно благополучной категории превратились в одну из самых обездоленных и, естественно, ищут выход из положения. Многие уходят из науки. «В среднем за последние три года, — отмечает О. Савельева, — численность занятых в науке уменьшалась на 15% ежегодно. Однако этот процесс убыстряется. Так, за I полугодие 1992 г. число занятых по сравнению с началом года уменьшилось на 25%» [9]. Часть (пока небольшая) становится безработными, часть (тоже пока небольшая) уезжает за границу, остальные переходят в другие сферы деятельности, где оплата труда выше, и прежде всего в коммерческие структуры, которые предъявляют повышенный спрос на образованных людей. Уходят в коммерческие организации и социологи, в том числе в фирмы, занимающиеся изучением общественного мнения.

Приобщение к коммерческой деятельности и солидному вознаграждению, не сравнимому с зарплатой в государственном институте или вузе, происходит и другим путем. Последний имеет достаточно широкое распространение среди социологов. Оставаясь на своих должностях в штате, научные работники и вспомогательный персонал организуют частные фирмы или заключают контракты с существующими. На данном поприще можно «параллельно» зарабатывать деньги, многократно превосходящие «указанные». При этом нередко бесплатно используются технические средства, материалы, наработки, принадлежащие научному учреждению. Вовлечение в коммерческую деятельность осуществляется и вполне официально, поскольку научные учреждения во имя «коллективного выживания» вынуждены выполнять заказы, далеко уводящие их от основной проблематики.

Коммерциализация науки идет полным ходом. Проблема в том, как сказывается это на результатах научной деятельности, кто получает при этом выгоду? Оставим в стороне вопрос о естествознании и технике, о научных учреждениях и судьбах ученых в этих областях. В общественных науках коммерциализация в наибольшей степени захватила экономистов и социологов. Заказчиками последних выступают правительственные учреждения, властные структуры в регионах, коммерческие организации и т.д. Особую роль здесь выполняют средства массовой информации.

Одним из мощных средств воздействия на читателей, зрителей, слушателей являются систематические публикации результатов проведенных социологами (а подчас и журналистами, но все равно под прикрытием социологии) опросов общественного мнения населения и специально подобранных экспертов. Коммерциализация социологии неразрывно связана с деятельностью средств массовой информации. Все дело в том, какова эта связь сегодня, когда СМИ *монополизированы* радикал-демократами и государством. Ниже мы рассмотрим способы использования социологических материалов, а подчас просто ссылок на социологию, которые создали ей славу науки, которая склонна обманывать граждан.

Использование социологии в СМИ. Возможны варианты. *Первый*, самый простой вариант таков. Получив редакционное задание, социологи, а чаще журналисты проводят опрос «случайных» прохожих на улицах большого города. Мелькают лица, одни отказываются отвечать, другие охотно позируют перед камерой. Так создается эффект «подлинности». Опрашивается человек 10—20, но с помощью монтажа на экране трое-четверо высказываются так, как требуется, один-двое мнутя, «не знают», им «все равно», один говорит «нет». Нужное впечатление создано.

Второй вариант предполагает участие социологов либо ссылку на них, хотя бы фиктивную. Так, ведущая информационную программу I канала ТВ Т. Кома-

рова, говоря как о чем-то само собою разумеющемся, заявила, что, по данным социологов, более 95% граждан страны выступают за частную собственность на землю. Кто же эти социологи? Незадолго до этого «Аргументы и факты» под кричащей шапкой «Земля — народу!» оповестили своих читателей, что авторы 96,2% писем, полученных редакцией, поддержали ее призыв «за частную собственность на землю» [13].

Политическая борьба вокруг этого вопроса, подкрепляемая ссылками на данные социологических исследований общественного мнения, может служить «классическим» образцом того, как подменяется смысл задаваемого вопроса. Известно, что право граждан на частную собственность на землю вошло в Конституцию РФ. Приусадебные, дачные, садовые, огородные участки можно продавать и покупать, как и землю под строения. Ограничение на определенный срок права купли-продажи оставлено за значительными по площади участками сельхозугодий, в том числе полученными фермерами для ведения хозяйства. Цель — ограничить возможности спекуляции землей. Подобные ограничения существуют в большинстве стран с рыночной экономикой. В 20-е годы крестьяне в СССР на национализированной земле вполне успешно развернули свое хозяйство, тем более, что существовало право передачи по наследству; есть оно и у нынешних российских фермеров. Сдерживают развитие фермерства отсутствие доступных кредитов и ножницы цен на сельскохозяйственную технику, горючее, удобрения, корма, с одной стороны, и на продукты сельского хозяйства — с другой.

За спинами пропагандистов неограниченной частной собственности на землю просматриваются интересы спекулянтов из числа новых миллионеров, накопивших огромные средства, в том числе в СКВ, хранимые в зарубежных банках (по разным оценкам, из страны «утекает» ежегодно до 10 млрд. долл.!). Им удалось скупить у нищего населения ваучеры, и они с нетерпением ждут массовой приватизации основных средств производства, и в первую очередь земли, которая является самым надежным вложением капитала. Лучшего способа «отмыть» мафиозные, полученные за счет ограбления народа деньги просто не существует! Ожидают этого и зарубежные капиталисты, готовые потратить свои доллары, фунты, марки и франки на скупку московских кварталов и российских земель, богатых полезными ископаемыми.

Получение нужного результата может быть достигнуто «умелой» постановкой вопроса, на который надо ответить «да» либо «нет». Так задается вопрос «Вы за частную собственность на землю?» Ясно, что ответ «за» можно получить и от тех, кто понимает под частной собственностью на землю собственность на свои 6, 8, 10, 15, 30, 50 соток садового, дачного, приусадебного участка. Характерная черта подобных опросов состоит в том, что не учитывается различие мнений между разными социальными группами, горожанами и сельскими жителями, которых спорный вопрос о купле-продаже сельхозугодий непосредственно касается. Когда социологи соблюдают элементарные правила научного исследования, результат получается совсем иной, нежели у тех, кто спешит услужить заказчиком. Институт социологии Академии наук Беларуси эти заповеди соблюдает. И вот его результаты: за частную собственность на землю высказалось 27,8% рабочих, 30,3% ИТР и служащих, 65,4% бизнесменов и предпринимателей и... только 15,4% крестьян [14]. А условия в Беларуси и России сходные.

Вариант третий. Многие социологические службы ограничиваются опросом москвичей. Естественно, в этом нет ничего предвзятого, как и в ограничении своих задач опросом жителей любого другого крупного города. Но возникает две проблемы: 1) как проводится опрос? Институт социологии парламентаризма, например, опрашивает 1 тыс. москвичей каждый четверг по телефону. Директор Института Н. Бетанели утверждает, что опрос происходит

каждый раз «по обновленной выборке, приобретаемой у московской городской телефонной станции» [15]. Но как последняя осуществляет выборку, остается неясным. Далее. В отличие от многих стран, телефонизация в России, включая Москву, далека от завершения, квартирные телефоны индивидуального пользования есть далеко не у всех; социальный состав имеющих телефоны существенно отличается от состава населения города в целом. Уже поэтому расклад мнений оказывается сдвинутым в сторону более обеспеченных слоев населения; 2) регулярно публикуемые в газете «Известия» обзоры Института социологии парламентаризма не сопровождаются оговоркой, что данные по столице отличаются от данных по стране в целом. Большинство читателей воспринимают колонки цифр и особенно сделанные на их основе заключения как относящиеся к России. Результаты московских опросов как бы «замещают» в сознании читателей опросы российские. Иногда редакция прямо идет на такую подмену. Например, опрос ВЦИОМа по Москве был озаглавлен «Как россияне (!) оценили съезд» [16]. Свои сомнения по поводу опросов Института были высказаны В.А. Ядовым [17], что вызвало весьма раздраженный, но не слишком убедительный ответ Н. Бетанели [15].

Мы возобновили этот разговор потому, что произвольная выборка и расширительное толкование полученных на ее основе результатов весьма распространены. В упомянутом «опросе» «АиФ» за «глас народа» выдается мнение читателей популярного еженедельника, притом не всех, а половины (какой?), а главное — среди опрошенных не оказалось ... колхозников [18]. Надо ли доказывать, что читательская аудитория газеты отнюдь неравнозначна населению страны по социальному составу, уровню образования, наконец, политическим симпатиям. И подобных примеров *намеренной манипуляции* с выборкой можно привести сколько угодно. Тот же Институт социологии парламентаризма воспринял критику в свой адрес весьма своеобразно. В еженедельнике «Мегapolis-Экспресс» под заголовком «Россия захотела сильной власти» приводятся данные о телефонном опросе москвичей. Более того, из 1 тыс. владельцев московских квартирных телефонов выделяется референтная группа «политически активных граждан», составляющая 12% от общего числа опрошенных, и выводы о необходимости «перетрясти политический истеблишмент» опираются на мнение этого меньшинства [19].

Вариант четвертый, внешне «очень демократичный», но в котором от социологии остались только применение компьютера для подсчета данных и название — «Общественное мнение».

Наловчившаяся в проведении телеигры под этим названием еще на ленинградском телевидении, Т. Максимова проводит теперь сеансы телемагии в Останкино. В начале 1993 г. было проведено несколько сеансов. Первый (27 января) был организован как публичное состязание трех основных парламентских блоков партий: «Демократического выбора», «Гражданского союза», «Российского единства». Представители блоков выступали поочередно, отвечали на вопросы оппонентов и телезрителей, задаваемые по телефону. Затем состоялось «телефонное голосование», итоги которого по мере поступления звонков суммировались компьютером на глазах у зрителей. Звонили преимущественно москвичи, имеющие под рукой телефонный аппарат (об этом см. выше), междугородний звонок ныне стоит недешево. Ясно, что состав звонивших еще менее отражает состав населения России, чем в рассмотренном опросе Н. Бетанели (который, кстати сказать, и не выдает свои данные за всероссийские). Поиграв на нервах, машина выдала такие цифры: 70% — за «Гражданский союз», 69% — за «Демократический выбор», 50% — за «Российское единство». Каково же было изумление зрителей, когда под конец затянувшегося «шоу» Максимова продемонстрровала заранее подготовленную диаграмму, на которой самый высокий столбец оказался у «Демократического выбора»!

Следующая встреча состоялась 24 февраля, когда радикал-демократы усиленно обрабатывали общественное мнение в пользу изменения конституционного строя — усиления власти президента, перехода к президентской республике. Задача перед программой «Общественное мнение» была поставлена четкая: доказать, что реальное общественное мнение поддерживает эту форму правления. Ухищрений было предпринято много: представлены всего две точки зрения (без центристов из «Гражданского союза»); в качестве альтернативы подброшена военная диктатура (которая, естественно, больших симпатий вызвать не может) и т.д. Выбор свелся к президентской либо парламентской республике. С помощью эксперта была проведена аналогия первой с конституцией V республики во Франции, принятой по инициативе де Голля, а второй — с конституцией ФРГ, принятой после войны. Аналогия между де Голлем и Ельциным усиленно навязывалась аудитории. Первый опрос (по тем же правилам) дал соотношение симпатий по трем вариантам: 58%, 48%, 42%. Второй опрос был проведен только по двум вариантам; результат: 90% за президентскую республику.

Мы столь подробно описали технику этого «действия» потому, что ему придается важное значение. Т. Максимова прямо заявила в печати то, о чем люди посOLIDнее предпочитают не говорить: «без особого преувеличения... референдум, о необходимости которого так много говорят, состоялся 24 февраля» [20]. По указанию руководства ТВ она повторила опрос по телеграфу, чтобы получить еще раз «мнение народа»: 80% высказались за президентскую республику, устанавливаемую Указом Президента, а 20% тоже «за», но считают нужным провести по этому вопросу референдум [Там же].

Протесты против монополизации телевидения на Останкинском и Российском каналах, заявленные как в парламенте, так и на демонстрациях у телебашни, не достигают цели. Дошло до того, что директор телекомпании «Останкино» И. Малашенко, не поладив с новым руководством, которое потребовало еще туже затянуть идеологические ремни, заявил, что «считает недопустимым безраздельное влияние на телевидении одной политической группировки, пусть даже с самым демократическим названием — Демроссия» [21].

Неудивительно, что доверие к средствам массовой информации, уже подорванное, продолжает падать. Согласно всероссийскому опросу, проведенному Институтом социологии РАН в мае 1992 г., «не слишком доверяют» СМИ 41,4% населения и «совершенно не доверяют» 23,7%. Таким образом, 65,1% «скептически относятся к тому, что звучит с экрана телевизора или написано в газетах» [17]. Проведенный в порядке мониторинга декабрьский опрос ИС РАН зафиксировал, что «не слишком доверяют» 46,5% респондентов и «совершенно не доверяют» 21,4%. В то же время «полностью доверяют» 4,6% и «в основном доверяют» 22,2% [22]. Следовательно, более двух третей опрошенных не доверяют и лишь чуть более четверти доверяют СМИ! А наиболее массовое из этих средств и, вместе с тем, наиболее монополизированное — телевидение продолжает выполнять установки «одной политической группировки» и попутно формирует негативный имидж социологии. Ныне вместо одной всеобъемлющей политической власти партийно-государственной бюрократии деформирующее влияние на социологию оказывает союз трех властей: политической — новой номенклатуры, экономической новой буржуазии, а также средств массовой информации. Вот почему так актуально для социологов высказанное в отчете Российской Академии наук за 1992 г. (в разделе, посвященном общественным и гуманитарным наукам) вполне законное требование: «научная истина должна быть выше всех других соображений».

Заключение. Падение престижа социологии вполне объяснимо в сложившихся в России общественных условиях. Что же надо сделать, чтобы преодолеть

скептическое отношение к социологической науке в общественном сознании? Во-первых, изучать общественное мнение с максимальной объективностью и информировать общественность не только о *результатах* исследований, но и *методах* их проведения. Однако есть основания сомневаться, что этот призыв будет услышан и воспринят в упомянутых группах, центрах, службах, и особенно среди «заказчиков».

Во-вторых, говорят, что нужна конкурентная среда, этот «питательный бульон» рыночных отношений. Действительно, функционирующие в условиях конкуренции социологические службы Гэллага и Харриса в США, Институт демоскопии и Инфас в Германии стремятся дать объективную картину мнений и ожиданий населения, и в этом немало преуспели (ошибка не превышает 1—3% при общенациональном опросе). Но разве нет конкуренции между нашими «фирмами», занимающимися изучением общественного мнения? Последних в центре и в регионах огромное число, и было бы вдесятеро больше, если бы нашлись платежеспособные потребители их продукции и спонсоры. Значит, данное условие, будучи необходимым, не является достаточным.

В-третьих, нужна монополизация средств массовой информации, прежде всего телерадиовещания. Судя по замыслам Федерального информационного центра, идеологический контроль над СМИ будет усилен.

Давно испытанным образцом является суловско-брежневская цензура, но в качестве идеала проглядывает созданное фантазией Дж. Оруэлла в романе «1984 год» «Министерство правды». Без обязательного для всех соблюдения законности, без установления контроля общественности, например в лице утвержденного парламентом Наблюдательного совета (и аналогичных на местах), власть «одной политической группировки» над СМИ неизбежно будет заставлять социологов «подыгрывать» заказчикам, обладающим средствами для щедрой оплаты услуг. Следовательно, помимо конкуренции требуется еще и развитая политическая демократия.

В-четвертых демократия необходима и в научном сообществе. Речь идет о том, чтобы публиковать полноценные сведения о методике проводимых исследований, так сказать, обмениваться «визитными карточками». Пора провести дискуссию по методологии и методике изучения общественного мнения, в том числе сравнительный анализ результатов, полученных разными группами в одинаковых либо сходных условиях. Да мало ли какие вопросы будут подняты специалистами, когда они соберутся за «круглым столом»! Будем надеяться, что начатый нашим журналом обмен мнений продолжится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моск. новости. 1993. 14 февраля. С. Б—14.
2. Социол. исслед. 1993. № 1. С. 3—6.
3. Руткевич М.Н. О предмете социологической науки: три методологических вопроса // Социол. исслед. 1991. № 7.
4. Федосеев П.Н. К вопросу о предмете марксистско-ленинской социологии // Социол. исслед. 1982. № 3.
5. 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Прогресс-Пайо, 1989. С. 214.
6. Грушин Б.А. Масса как субъект исторического и социального действия // Рабочий класс и соврем. мир. 1984. № 5. С. 29.
7. Грушин Б.А. Почему нельзя верить большинству опросов, проводимых в бывшем СССР // Независимая газ. 1992. 22 октября. С. 5.
8. Моск. новости. 1993. № 7. С. Б—14.
9. Савельева О. Ученый на рынке в качестве товара // Поиск. 1993. № 8. С. 3.
10. Аргументы и факты. 1993. № 3. С. 1.
11. Поиск. 1992. № 52. С. 2.
12. Горячева И. С начала года цены выросли на 33 процента // Известия. 1993. 10 февраля. С. 4.
13. Аргументы и факты. 1990. № 48. С. 1.
14. Котляров И. Левый поворот // Правда. 1993. 27 января. С. 2.
15. Megapolis-Express. 1992. № 29. С. 3.

10. Известия. 1993. 31 марта. С. 1.
11. Ядов В. Нам вешают лапшу на уши // Megapolis-Express. 1992. № 28. С. 22.
12. Руткевич М. Сопоставим данные // Сов. Россия. 1990. 18 декабря. С. 3.
13. Megapolis-Express. 1993. № 9. С. 15.
14. Семь дней. 1993. № 10. С. 15.
15. Правда. 1993. 23 февраля. С. 2.
16. Зеркало мнений. М.: ИС РАН, 1983. С. 39.